

С надменного лица Тань Юмина сошла вся его былая спесь. Властный царь горы превратился в больного котёнка. Даже во сне он выглядел недовольным, хмурия брови, словно злился на какого-то негодяя.

Но сердце Шэнь Цзунняня наконец-то немного успокоилось. После безумной гонки по воде и суше, после всего пережитого страха и паники он никогда этого не забудет.

Как он мог не заметить, что Тань Юмин болен?

Шэнь Цзуннянь поправил ему одеяло, вытер пот и тихо сидел у кровати, не сводя с него глаз. Тань Юмин сбросил одеяло и что-то пробормотал во сне.

Шэнь Цзуннянь замер. То, что не смог разобрать Чжо Чжисюань, он понял прекрасно.

— Нянь-цзай.

— Не бойся.

Даже заболев, Тань Юмин боялся лишь того, что больше не сможет защищать Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь помолчал, затем сунул руку под одеяло, сжал его ладонь и очень тихо произнёс:

— Я не боюсь.

Единственное, чего он боялся — это болезни и несчастья Тань Юмина.

Больше всего на свете.

Вскоре приехали Тань Чуншань и Гуань Кэчжи. Они спросили Шэнь Цзунняня о состоянии сына.

— Врач только что делал обход. Сказал, что жизненные показатели в норме, но, возможно, он проспит дольше обычного.

Гуань Кэчжи с болью в голосе произнесла:

— И хорошо. Наверняка ему вечно не хватает времени на сон.

Она потрогала лоб Тань Юмина и спросила:

— Нянь-цзай, у вас в компании сейчас так много работы?

Надо же было так переутомиться.

Тань Чуншань тоже посмотрел на него.

— Дальше будет легче.

Шэнь Цзуннянь сидел с прямой спиной и слегка опущенной головой. Семья Тань была к нему безмерно добра, а Тань Юмин из-за него заработал тревожное расстройство.

— Простите, тётушка Гуань, дядя Тань. Я не уберёг его.

Шэнь Цзуннянь был полон раскаяния, но мысли об отъезде исчезли без следа. Какое бы наказание или кару ему ни пришлось понести, он останется рядом с Тань Юмином и поможет ему поправиться.

Он окончательно смирился со своей судьбой. Он чётко осознавал: как бы он ни сопротивлялся, сколько бы тысяч раз ни пытался отказаться от этой зависимости — всё бесполезно.

Пусть они будут друзьями, пусть он будет ему как старший брат. Даже если Тань Юмин влюбится и создаст семью — теперь это не имело значения.

Лишь бы Тань Юмин поправился. Ради этого Шэнь Цзуннянь был готов переступить через мораль, отбросить совесть и принять на себя любые последствия.

Он возместит семье Тань все убытки. Он вынесет осуждающие взгляды родственников. Он признает свою вину за предательство их доброты и доверия.

Всё это было ничто по сравнению со здоровьем Тань Юмина.

Тань Чуншань, не понимая, что происходит между этими двумя, с тревогой сказал:

— Не говори так. Вы оба должны беречь себя.

Они просидели до начала одиннадцатого. Похоже, Тань Юмин сегодня уже не проснётся. Шэнь Цзуннянь уговорил их поехать домой, пообещав позвонить, как только тот придёт в себя.

Останься они здесь, Шэнь Цзунняню пришлось бы заботиться ещё и о них. Гуань Кэчжи не могла допустить, чтобы и второй её сын слёг от переутомления:

— Хорошо, но ты тоже постарайся отдохнуть.

— Если что, сразу звони, — добавил Тань Чуншань, обнимая жену за плечи.

Но Шэнь Цзуннянь не сомкнул глаз. Он снова и снова вглядывался в это лицо, сжимая его руку, словно боясь, что человек может внезапно исчезнуть. В какой-то момент стало неясно, кто из них на самом деле страдает от тревожного расстройства при разлуке.

Глубокой ночью Тань Юмин в полусне приоткрыл глаза. Шэнь Цзуннянь наклонился к нему и спросил:

— Что-нибудь нужно?

Тань Юмин пристально посмотрел на него. В его глазах мелькнул осмысленный взгляд, но он тут же решил, что это сон, вяло отвернулся и снова закрыл глаза.

Этот безнадёжный взгляд оставил в душе Шэнь Цзунняня зияющую пустоту, которая не исчезла до самого рассвета.

Утреннее солнце пробилось сквозь зелёные лозы на балконе и жалюзи. Тань Юмин выспался и чувствовал себя бодрым. Силуэт у кровати склонился к нему, и раздался голос:

— Проснулся?

Тань Юмин на мгновение замер. Убедившись, что это не сон, он удивлённо спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Как ты себя чувствуешь? — вопросом на вопрос ответил Шэнь Цзуннянь.

— Где мои родители?

— Дядя Тань и тётушка Гуань уже уехали, — Шэнь Цзуннянь слегка нахмурился, вглядываясь в его лицо. — Как самочувствие?

Значит, это родители его позвали.

— Со мной всё в порядке, можешь идти.

Шэнь Цзуннянь налил полстакана тёплой воды и протянул ему:

— Попей.

— Не нужно, — голос Тань Юмина был ещё слаб. — Иди, я сам поговорю с родителями.

Тань Юмин не взял стакан. Он встал с кровати и опустил голову, ища обувь. Шэнь Цзуннянь поставил воду, наклонился, чтобы подать ему тапочки, а затем взял носки и начал надевать их на него.

Тань Юмин вздрогнул. Его лицо потемнело, он нахмурился:

— Что ты делаешь?

Шэнь Цзуннянь сидел перед ним на корточках. Его большая рука крепко держала ступню Тань Юмина:

— Сначала надень это.

У него был ослаблен иммунитет, а ноги должны быть в тепле.

Тань Юмин потерял терпение и раздражённо бросил:

— Пошёл вон.

Шэнь Цзуннянь пропустил его слова мимо ушей и сжал его ногу ещё крепче. Бледные, аккуратные пальцы ног порозовели.

— Отпусти.

Больше всего Тань Юмина бесила эта его манера делать вид, что всё в порядке. Они уже вдрызг разругались, а этот человек вёл себя так, будто ничего не произошло.

— Тебе нельзя простужаться.

— Ты человеческих слов не понимаешь? — Тань Юмин посмотрел на ту самую рубашку, в которой Шэнь Цзуннянь был в тот вечер в «Инци», и почувствовал приступ тошноты. Он попытался вырвать ногу.

Руки Шэнь Цзунняня были большими и сильными, словно железные кандалы. Тань Юмин дёргался, но не мог освободиться. Не выдержав, он пнул его в грудь и заорал:

— Шэнь Цзуннянь! Я не стал с тобой разбираться, а ты, блядь, ещё смеешь ко мне лезть?!

Шэнь Цзуннянь даже не шелохнулся. Всё так же удерживая его ногу, он с бесстрастным лицом произнёс:

— Тань Юмин, давай помиримся.

Тань Юмин вытаращил глаза, поражённый его наглостью:

— Пошёл вон!

Он что, за дурака его держит?

Шэнь Цзуннянь властно повторил:

— Давай помиримся.

Тань Юмин взорвался. Страдания, боль и обида, копившиеся в его душе два месяца, вырвались наружу, словно лава:

— Ты что, блядь, царь и бог?! Захотел — порвал отношения, захотел — помирился?! Думаешь, Земля вертится вокруг тебя?!

— Вокруг тебя, — Шэнь Цзуннянь сжал руку сильнее. Его чёрные глаза казались глубокими омутами. — Давай помиримся. Отныне между нами будет так, как скажешь ты.

— Как скажу я? — усмехнулся Тань Юмин. — Тогда пошёл вон отсюда.

— Значит, мы помирились?

Тань Юмин и подумать не мог, что этот человек может быть настолько бесстыдным. Наступив ему на ладонь, он свысока посмотрел на него:

— Мои родители снова попросили тебя присмотреть за мной? Когда они спросят, я сам им всё объясню.

— Если дело в моём здоровье, то это случайность. Я могу сам о себе позаботиться. Мне не нужна твоя жалость, Шэнь Цзуннянь.

— И ещё, — он решил высказать всё до конца. — Квартиру на проспекте Цзошидэн я оставляю тебе. Я уже нашёл новую. Через пару дней пришлю людей за вещами. Можешь сменить пароль.

Шэнь Цзуннянь проигнорировал слова о квартире. С непроницаемым, но искренним лицом он упрямо и серьёзно произнёс:

— Это не из-за семьи. И я не жалею тебя. Это ты можешь пожалеть меня.

— Мне тебя жалеть? — разъярился Тань Юмин. — А чем ты занимался раньше? В чём я перед тобой провинился, что ты решил порвать со мной все связи?

— Ни в чём, — Шэнь Цзуннянь, казалось, потерял всякий стыд. Он открыто и честно признался в своих грехах: — Это я был жадным до успеха и неблагодарным. Это я... — он на ходу выдумал причину: — Не хотел больше слышать, как меня называют собакой семьи Тань.

Тань Юмин гневно сверкнул глазами:

— Кто?!

У Шэнь Цзунняня с детства была непомерная гордость. Какой ублюдок посмел такое сказать?

Шэнь Цзуннянь тут же попытался его успокоить:

— Неважно, я уже и не помню.

Он всё ещё хотел, чтобы Тань Юмин надел носки.

Тань Юмину стало не по себе. Разозлившись на собственную слабость, обиду и гнев, он занёс ногу и поставил её на плечо Шэнь Цзунняня. Напускно насмехаясь, он спросил:

— Значит, вернувшись, тебе снова придётся быть моей собакой?

— А ты этого хочешь?

Тань Юмин опешил.

Взгляд Шэнь Цзунняня потемнел:

— Ты этого хочешь?

От этого волчьего взгляда по спине пробежал холодок. Тань Юмин почувствовал, как сердце заколотилось даже быстрее, чем перед обмороком:

— Если я скажу «да», ты согласишься?

— Да.

Звучало, конечно, красиво. Но с самого детства именно Шэнь Цзуннянь держал его на поводке, контролируя каждый шаг, и отчитывал за непослушание. С какой стати ему становится его собакой?

— Мне не нужно, — Тань Юмин прищурил свои глаза формы персика. Его взгляд стал резким и властным. — Мне не нужна собака, которая целыми днями бегает и веселится на стороне, а потом, перепачкавшись, хочет вернуться в мой дом. Шэнь Цзуннянь, интересно было играть в рыцарей? Или в «Инци» было веселее? Хорошо развлёкся?

Шэнь Цзуннянь на мгновение замер. С недоумением посмотрев на него, он ответил:

— Я не развлекался.

— Лжец! — вспыхнул Тань Юмин. — Скажешь, что двадцать третьего числа ты не оставался на ночь в «Инци»?

Шэнь Цзуннянь перехватил его занесённую для удара ногу и пристально посмотрел на него глубоким, спокойным взглядом. В любое другое время он бы непременно спросил, почему ему нельзя оставаться в «Инци» и раздавать карточки рыцарей, и напомнил бы Тань Юмину о его собственном поведении.

Но сейчас это не имело значения. У Тань Юмина было тревожное расстройство при разлуке, и он не мог контролировать свои эмоции.

Пусть делает, что хочет. Шэнь Цзуннянь объяснил:

— Я не оставался там на ночь. Я ушёл оттуда до часа ночи и просидел в машине до следующего дня.

Теперь настала очередь Тань Юмина удивляться. Он совершенно не допускал такого варианта. Неудивительно, что менеджер не знал, в номере ли он, и смог определить время его ухода только по выезду машины на следующий день.

— А зачем ты ездил в «Инци»?

— Искал Ло Лаогуя, чтобы достать деньги на покупку «Гуансюнь».

Эти слова ударили Тань Юмина бумерангом. Будучи неправым, он всё равно нашёл бы к чему придраться, а уж оказавшись правым, и подавно не стал бы отступать:

— Значит, ты ещё и меня обвиняешь?

— Я тебя не обвиняю, — ответил Шэнь Цзуннянь.

— Тогда зачем ты просидел всю ночь на парковке?

Шэнь Цзуннянь не хотел признаваться, что всю ночь охранял «Кайен», и, отведя взгляд, сказал:

— Общение с Ло Лаогуем отняло много сил. Я решил немного отдохнуть в машине и уснул.

Тань Юмин хотел было задать ещё вопрос, но Шэнь Цзуннянь не желал больше обсуждать ту ночь. Сменив тему, он объяснил другую ситуацию:

— Карточки рыцарей были нужны, чтобы устроить ловушку для Ю Цзиньжуна. Полиция расследует дело о мошенничестве, отель сотрудничает с ними. Я выступил в роли информатора, чтобы помочь детективу выманить его.

— Карточку Ю Цзиньжун попросил сам. Он хотел, чтобы я работал на него.

Тань Юмин тут же встревожился:

— Ю Цзиньжун? Что он от тебя хотел?

Шэнь Цзуннянь поспешил его успокоить:

— Всё нормально, он заглотил наживку. Теперь полиция следит за ним.

Огромный камень упал с души Тань Юмина. Внутри зародилось какое-то необъяснимое чувство радости. Ему вдруг стало так легко и хорошо, словно он мог выписаться из больницы прямо сейчас.

Но он не мог позволить себе так быстро забыть о причинённой боли. Страдания и тоска, копившиеся десятки дней и ночей, сплелись в тугой комок.

— Тогда мне тем более не нужно, — он тяжело дышал, глядя на стоящего перед ним человека.
— Мне не нужна такая неблагодарная собака, как ты.

Собака, которая всегда думает о том, как бы сбежать из дома.

Шэнь Цзуннянь наконец надел на него оба носка. Подняв голову, он тихо предложил:

— Попробуй ещё раз.

Его взгляд был глубоким и упрямым. Тань Юмин содрогнулся под этим взглядом. Перестав сопротивляться, он убрал ногу и серьёзно сказал:

— Я больше не хочу.

У него не осталось на это сил.

Шэнь Цзуннянь открыл рот, впервые в жизни выказав растерянность. Спустя мгновение он тихо сказал:

— Попробуй ещё раз. Если тебе будет совсем невыносимо, тогда прогонишь.

Тань Юмин нахмурился, в груди защемило. Он мог так называть Шэнь Цзунняня, но не мог позволить ему говорить так о себе.

Повисла тишина. Затем Шэнь Цзуннянь услышал его тихий голос:

— Шэнь Цзуннянь.

— У тебя нет совести.

В голове Шэнь Цзунняня будто что-то взорвалось, словно кто-то выстрелил в него.

Он поднял голову. Сглотнув, он произнёс слегка хриплым голосом:

— Да, у меня нет совести.

— Это моя вина. Прости.

Шэнь Цзуннянь смотрел, как хмурится и расслабляется лицо Тань Юмина. Неизвестно, о чём

тот думал. Вдруг Шэнь Цзуннянь сказал:

— Тань Юмин.

— Я подал в совет директоров заявление об отказе от участия в конкурсе.

— Что? — Тань Юмин широко раскрыл глаза.

— Я не поеду в Европу.

Тань Юмин не мог прийти в себя от этой новости:

— Почему?

— Без причины.

Если эти несколько десятков морских миль заставили его так страдать, что бы было, случись что-то на расстоянии четырнадцати тысяч километров? Он бы не успел приехать, и кто знает, что бы он тогда натворил.

— А кто поедет?

— Кто выигрывает конкурс, тот и поедет.

Такой крупный международный проект — желающих будет хоть отбавляй.

Шэнь Цзуннянь смотрел на него твёрдым, упрямым и не терпящим возражений взглядом. Кажется, Тань Юмин наконец по-настоящему осознал его решимость помириться.

— И что ты будешь делать, оставшись здесь?

Шэнь Цзуннянь аккуратно поставил тапочки возле его ног и с невозмутимым лицом ответил:

— Разве не быть твоей собакой?

Тань Юмин сохранял холодное и надменное выражение лица:

— Я ещё не сказал, что согласен.

Шэнь Цзуннянь был терпелив, но настойчив:

— Тогда присмотришь ко мне ещё немного.

Тань Юмин промолчал, и Шэнь Цзуннянь воспринял это как согласие.

Тот, кто только что вызвался быть собакой, тут же начал поучать хозяина:

— Выпей воды.

Тань Юмин так давно не слышал этого поучительного тона, что по привычке хотел было наклониться и выпить из его рук. Но почему-то сам потянулся за стаканом. Рука Шэнь Цзунняня напряглась.

Оказывается, чтобы изменить привычки, формировавшиеся десятилетиями, нужно совсем немного времени.

Тань Юмин ничего не заметил. Его глаза, словно две цепи, прошедшие сквозь огонь и лёд, неотрывно следили за Шэнь Цзуннянем.

Шэнь Цзуннянь складывал одежду — он смотрел. Шэнь Цзуннянь чистил фрукты — он наблюдал. Шэнь Цзуннянь говорил по телефону — он контролировал. Когда Шэнь Цзуннянь собрался выйти за врачом, Тань Юмин сказал, что можно нажать на кнопку вызова.

Шэнь Цзуннянь тоже был на взводе. Он боялся, что если выпустит его из виду, может случиться что-то плохое. Ему было спокойно только тогда, когда Тань Юмин находился прямо перед ним.

Оба боялись потерять друг друга. Их взгляды сплелись, словно натянутые верёвки. Никто не решался отпустить первым.

Стоило Шэнь Цзунняню повернуться, как Тань Юмин тут же вскидывал голову:

— Ты куда?

Его колючий взгляд не скрывал неосознанного напряжения и недоверия. Сердце Шэнь Цзунняня сжалось от боли. Он ласково ответил:

— Я принесу тебе куртку.

Тань Юмину пришлось накинуть куртку. Ему тут же стало жарко, и он скомандовал:

— Сделай кондиционер на два градуса холоднее.

— Нет, — нахмурился Шэнь Цзуннянь. — Тебе нельзя на сквозняк. — Привыкнув командовать, он по инерции начал его отчитывать: — И на ночь нужно сделать теплее.

Тань Юмин тут же цокнул языком и возмущённо возразил:

— Шэнь Цзуннянь, думаешь, ты всё ещё можешь мной командовать?

Как только слова сорвались с губ, оба замерли, почувствовав неловкость.

Они были как идеально подогнанные детали, как дверь и замок. Но из-за небывалой ссоры на деталях вырос мох, а замок заржавел. Оба понесли тяжёлые потери.

Чрезмерное напряжение переросло в удвоенную авторитарность, а страх потерять вновь обретенное — в тревогу. Даже за те два года искусственной разлуки, когда им было по шестнадцать, они не были такими близкими и в то же время чужими.

На разбитом зеркале всегда остаются трещины, и неизвестно, сможет ли время их склеить.

Шэнь Цзуннянь достал свой телефон и протянул ему:

— Хочешь?

Тань Юмин посмотрел на него пару секунд и сказал:

— Ты сам мне его отдаёшь.

— Угу, держи, — Шэнь Цзуннянь наклонился и поправил ему подушку.

<http://bllate.org/book/17117/1614136>